

Часть VI.

Заключение

- 36. Заключение
- 37. Послесловие: Почему анархисты не вернулись после Франко?

36. Заключение

Испания времён Гражданской войны представляет собой единственный в истории пример, когда анархисты оказывали определяющее влияние на политику целой страны. Когда, благодаря их роли в подавлении мятежа 18–19 июля 1936 г., в руках испанских анархистов оказалась власть, они увидели, что их идеология и программа недостаточно подготовили их к подобной ситуации.

Лидеры и рядовые участники были более или менее знакомы с идеями Михаила Бакунина, Петра Кропоткина и других теоретиков международного анархизма, а также с утопическими набросками будущего либертарного общества, которые были разработаны испанскими анархическими мыслителями в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне. Однако у движения не было единого мнения о природе этого общества и общепризнанного проекта преобразования Испании, который оно могло бы осуществить, когда представится такая возможность.

Три четверти столетия, в течение которых испанские анархисты распространяли свои идеи, заложили основу для революции, начавшейся после 19 июля 1936 г. Эта революция исходила от широких масс анархического движения, а не от его руководства. Рядовые анархисты захватывали фабрики и поместья, устанавливали контроль над сёлами, посёлками и городами по всей территории, на которой рабочие и крестьяне разгромили военных мятежников и которая осталась за Республикой.

Но революция началась в условиях, которые анархисты не могли полностью контролировать. Им приходилось считаться с тем, что они участвуют в гражданской войне. Это означало, прежде всего, что они должны сотрудничать с другими политическими и общественными элементами, защищающими республиканское дело от сил Франко. Они признали необходимость этого сотрудничества уже через несколько дней после подавления мятежа, когда каталонские анархисты, в тот момент имевшие почти полную власть над регионом, 23 июля 1936 г. решили объединиться с другими прореспубликанскими силами для ведения войны. Их товарищи в других частях Республики приняли такое же решение, хотя и не столь драматичным образом.

Это решение довольно скоро заставило анархистов согласиться на участие в правительствах Республики, Каталонии и других испанских республиканских регионов. Когда это случилось, французский анархист Себастьян Фор указал на опасности, связанные с этим шагом: «Отойти, даже в чрезвычайных обстоятельствах и на короткое время, от линии поведения, обозначенной нашими принципами, – значит совершить ошибку и допустить опасную неосмотрительность. Упорствовать в этой ошибке – значит взять на себя вину за последствия, к которым она постепенно ведёт, вплоть до временного отказа от принципов и, после череды уступок, окончательного отказа от них...»¹

История показывает, что Себастьян Фор, безусловно, был прав. Однако она не говорит нам, какая реальная альтернатива была у испанских анархистов в условиях гражданской войны.

Анархистам потребовалось немного больше времени, чтобы согласиться с тем, что для современной войны они должны организовать республиканскую армию на традиционных началах. Первоначально анархисты и другие политические группы республиканской Испании организовали милиционные части рабочих, которые имели опыт городских боёв, но мало знали о действиях современных высокотехнологизированных войск. Однако вскоре стало очевидно, что этих частей милиции недостаточно, чтобы противостоять регулярной армии.

Традиционный антимилитаризм анархистов затруднял для них принятие идеи о необходимости создать регулярную армию, чтобы разбить старую испанскую армию, поддержанную итальянскими и германскими контингентами, в гражданской войне. Это промедление поставило их в невыгодное политическое положение по сравнению с их оппонентами в Республике, поскольку многие анархисты с большим сомнением относились к превращению их в «регулярных» офицеров республиканской Народной армии. В результате этого анархисты значительно уступали по численности в офицерском корпусе республиканской армии, несмотря на то, что они имели самую большую долю в рядовом составе вооружённых сил до самого конца войны.

Революция, начатая анархистами в экономике республиканской Испании, также пострадала от идеологических, программных и организационных недостатков движения. Главным препятствием была неспособность Национальной конфедерации труда создать перед войной законченную систему национальных отраслевых союзов, которые могла стать ядром, вокруг которой проходила бы реорганизация национальной экономики. Однако, поскольку учреждение таких национальных союзов (федераций) вызывало сильное неприятие у более ортодоксальных анархистов, лишь несколько из них существовали к началу Гражданской войны. Неимоверные усилия, которые прилагала НКТ для создания подобных организаций в её составе во время войны, оказались недостаточными для установления новой экономической структуры.

Однако, несмотря на пробелы в практической программе и организационной структуре, испанские анархисты (часто в сотрудничестве с левыми социалистами) осуществили поразительные преобразования в обществе, экономике и политике республиканской Испании в первые месяцы Гражданской войны. Почти по всей половине Арагона, освобождённой от сил Франко, и на широких территориях Каталонии, Леванта, Центра и тех частей Андалусии и Эстремадуры, которые сохранила Республика, анархические крестьяне создали собственные сельские коллективы. Хотя эти коллективы сильно различались по своей внутренней структуре и степени их «утопизма», большинство из них предоставили своим членам такой уровень жизни и чувство самоуважения, которых у них прежде не было. Многие из них значительно увеличили продукцию земли, находившейся в их владении.

В городах и посёлках лоялистской Испании рабочие захватили многие заводы, фабрики и крупные мастерские, где они работали, многие из которых были брошены своими владельцами, и возобновили их работу. Эти коллективизированные предприятия в течение Гражданской войны продолжали обеспечивать гражданское население текстилем,

продуктами питания и другими потребительскими товарами; в Каталонии и других частях Республики они наладили военное производство, которого раньше не существовало и которое предоставляло значительную часть оружия, использовавшегося лоялистскими силами.

В политической области, после крушения практически всех существовавших ранее структур власти в начале войны, анархисты сыграли важную роль в восстановлении общественного порядка, положив конец личной мести и мародёрству, неизбежным в таких обстоятельствах. Они продемонстрировали готовность дисциплинировать тех своих сторонников, которые совершали недопустимые действия под прикрытием «революции».

Однако слабости анархистов особенно сказались в их конфликте со сталинистами внутри Испанской республики. Сталинисты чётко представляли себе общество, которое они хотели создать – по образу того, что осуществил их вождь и пример для подражания, Иосиф Сталин, в Советском Союзе. Они стремились к диктатуре собственной партии, которая организовала бы полностью национализированную и централизованно планируемую экономику. Их стратегия и тактика во время войны была нацелена на создание подобного режима и общества.

С самого начала коммунисты выступали против революции, начатой анархистами и левыми социалистами. Они делали это отчасти потому, что это была не их революция, отчасти же потому, что открытая социальная революция в Испании не отвечала замыслам сталинского руководства, которое изображало испанскую гражданскую войну как борьбу между фашизмом и демократией, надеясь обеспечить Республике поддержку Франции и Великобритании и усилить свои собственные связи с этими двумя западными державами.

Преследуя свои цели, Сталин (предварительно получив бóльшую часть золотого запаса Испании, одного из крупнейших в мире на то время) поставлял в Республику военные материалы, которые позволяли ей продолжать – но не выигрывать – войну. Но наряду с этим он оказал мощную поддержку своим последователям в Испанской республике – в виде коминтерновских делегаций, военных и чекистских «советников» и прямого шантажа, с целью заставить республиканское правительство принять политику, угодную сталинистам и усиливавшую их позиции в лоялистской Испании.

Испанские сталинисты, выступая против революции, стремились заручиться поддержкой тех экономических и социальных групп, которые также были настроены против неё: мелких предпринимателей, крестьян-землевладельцев (и зажиточных сельских собственников), кадровых офицеров, правительственных чиновников и других. Эти элементы заполнили сталинистские партии в первые месяцы войны, двадцатикратно увеличив их численность. Они получили мало новобранцев из рабочего класса или безземельных крестьян, которые в основной массе поддерживали анархистов и социалистов Ларго Кабальеро.

Сталинисты также объединились с другими политическими группами, стремившимися подавить революцию, которую вызвали анархисты и левые социалисты в начале Гражданской войны, и с теми, кто традиционно представлял мелкую буржуазию страны. Сюда входили не только испанские республиканские партии, но и каталонские

регионалистские партии и даже социально и религиозно консервативные баскские националисты. Это относилось также к правым социалистам, долгое время боровшимся против фракции Франсиско Ларго Кабальеро.

Как впоследствии осознали, к своему неудовольствию, все эти «союзники», целью сталинистов при сотрудничестве с ними было не только устранить сторонников революции, но и лишить их самих влияния. Как мы уже отмечали, коммунистам удалось политически уничтожить большинство сторонников революции и отстранить от власти бывших «союзников». Лишь в самом конце Гражданской войны, в марте 1939 г., практически все остальные республиканские фракции объединили свои силы, чтобы свергнуть власть сталинистов и их последних пособников из правительства Негрина, создав Национальный совет обороны.

На последнем этапе Гражданской войны единственной значительной силой, мешавшей сталинистам достичь абсолютной власти, оставалось Либертарное движение, анархисты. Но даже они испытывали всё больше трудностей в том, чтобы отстоять свой контроль над значительной частью экономики, сохранить влияние в вооружённых силах Республики и даже защитить жизни своих товарищей.

Движение также оказалось резко разделено в вопросе о том, какой тактики ему следует придерживаться, чтобы предотвратить получение сталинистами неограниченной власти и уничтожение их собственных организаций.

Сейчас, спустя 60 лет после окончания Гражданской войны в Испании, сложно сказать, какие уроки можно извлечь из опыта испанских анархистов в 1936–39 годах. Но периодически, начиная с того, как режим Тито в Югославии порвал со Сталиным в 1948 г. и формально попытался создать коллективные предприятия, в разных странах возникал интерес к идеям «рабочего контроля» и «рабочего самоуправления». Эти идеи были особенно распространены во время и после волнений 1968 года, по обе стороны Железного занавеса. Впоследствии эксперименты в этом направлении были проведены в Швеции и других странах, в том числе – в том или ином виде – в Соединённых Штатах.

Люди и группы, интересующиеся этими проектами, многому могут научиться на опыте испанских анархистов более чем полувековой давности. Этот опыт даёт примеры и успеха, и провала подобных начинаний. В любом случае, то, что осуществлялось в республиканской Испании во время Гражданской войны с подачи анархистов, безусловно, является одним из важнейших социальных экспериментов двадцатого столетия.

37. Послесловие: Почему анархисты не вернулись после Франко?

После смерти диктатора Франсиско Франко в ноябре 1975 г. и последующего развития и укрепления демократии в Испании анархисты не выступили вновь как одна из главных, или просто значимых, действующих сил в профсоюзном движении, политике и общей жизни страны. Ввиду важности роли, которую анархисты играли во время Гражданской войны и в течение долгих лет подпольной борьбы против режима Франко, это довольно примечательное обстоятельство. Попытка объяснить этот факт станет послесловием к нашему исследованию истории анархизма во время Гражданской войны в Испании.

В первые годы после смерти диктатора Национальная конфедерация труда действительно возродилась как организация со значительным числом членов. В Каталонии и других регионах у многих рабочих старшего возраста остались положительные воспоминания о роли НКТ накануне и во время Гражданской войны, и когда у них появилась возможность, они вступили в её ряды. Многие молодые испанцы, без сомнения, слышали благоприятные отзывы старшего поколения об анархическом рабочем движении и также присоединились к нему.

Вряд ли можно найти надёжные данные о том, сколько рабочих вступило в НКТ в первые четыре-пять лет после смерти Франко. Однако источники НКТ дают нам оценки от 140 000¹ до 350 000 рабочих в 40 национальных союзах². Даже наибольшая из этих цифр существенно меньше числа членов НКТ в годы Гражданской войны, при том что численность рабочего класса значительно увеличилась за прошедшее время.

Но к 1984 г. влияние НКТ, расколовшейся на две соперничающие группы, ещё более резко сократилось. Даже если принять цифры, которые дают нам обе фракции – каждая утверждает, что насчитывает 25 тысяч членов, или чуть больше, – то анархическое рабочее движение стало маргинальной группой среди испанских рабочих, большинство из которых не состоит ни в одной профсоюзной конфедерации, а те, кто состоит, в основном являются членами контролируемых коммунистами Рабочих комиссий^{2а} и социалистического Всеобщего союза трудящихся³.

Основные причины снижения влияния анархистов

Существовали две основных причины, по которым испанское анархическое движение не смогло снова стать важным элементом в рабочем движении и политике после смерти Франсиско Франко. Первой из них были коренные изменения, произошедшие при режиме Франко в экономике Испании и, следовательно, в её обществе. Второй была витающая тень Гражданской войны, которая отталкивала большинство политически активных граждан от крайних течений, как левых, так и правых. Были и другие, второстепенные факторы в развитии возродившегося анархического движения, которые сыграли свою роль в том, что анархисты не смогли сколько-нибудь приблизиться к масштабам деятельности, достигнутым ими к 1939 г.

После Второй мировой войны, и особенно после начала оказания помощи Соединёнными Штатами в начале 1950-х гг., режим Франко принял широкую программу индустриализации страны. Правительственный Национальный институт промышленности (ИНИ) финансировал широкий спектр производственных фирм. Были также привлечены значительные иностранные инвестиции, и появилось много новых частных испанских промышленных компаний.

К концу правления Франко Испания перестала быть по преимуществу сельской страной. Большинство населения жило в городах. Промышленность больше не ограничивалась по большей части Каталонией и Страной Басков; промышленные предприятия были распространены по всей стране, многие из них концентрировались в Мадриде и других больших городах. Даже сельское хозяйство подверглось значительным преобразованиям, связанным с механизацией и технической модернизацией.

Вследствие этих экономических изменений общество Испании также трансформировалось. Контраст между богатством и бедностью стал менее резким, появились новые многочисленные группы, экономически и социально занимающие среднее положение.

Эти перемены можно было увидеть на улицах испанских городов. Если во времена Гражданской войны рабочих можно было чётко отличить от служащих и представителей высшего класса по тому, как они одевались, то после Франко стало сложно, если вообще возможно, сказать по виду, что за люди гуляют по улицам Мадрида, Барселоны, Валенсии и как они зарабатывают на жизнь.

Значение таких изменений подметил Франц Боркенау ещё во время Гражданской войны. По его словам, «НКТ не смогла бы преуспеть, если бы испанский пролетариат подвергся тому обуржуазиванию, которое характеризует промышленный пролетариат во всём мире» 4. Он также писал, что «если бы нацию пропитал дух капитализма, то анархизму пришёл бы конец» 5.

К концу режима Франко произошло и то, и другое, о чём говорил мне в 1984 г. лидер постфранкистской НКТ, который назвал испанских рабочих «продавшимися». Когда его спросили, что он имеет в виду, он ответил, что у них теперь есть автомобили, телевизоры и, следовательно, у них нет «классового духа», который они когда-то имелиб.

Наряду с изменениями в испанской экономике и обществе сказались также отголоски Гражданской войны. В постфранкистской Испании старались избегать всего, что могло спровоцировать какую-либо вспышку кровопролития наподобие того, что происходило с 1936 по 1939 г. Как следствие, основной силой на левом фланге стала Социалистическая партия, а не коммунисты или анархисты. Справа определяющим словом также была «умеренность». Хотя некоторые лидеры правых, такие как Мануэль де Фрага Ирабарне и Адольфо Суарес, были важными фигурами в заключительный период франкистского режима, они, в особенности Суарес, сыграли ключевую роль в переходе от диктатуры к демократии. Фаланга практически исчезла со сцены.

Позиция возрождённой НКТ в этой ситуации имела для неё неблагоприятные последствия. Организация отказалась от какого бы то ни было участия в механизме коллективных переговоров, который был создан при новом режиме. Вместо этого она сосредоточилась на проведении уличных демонстраций и других потенциально взрывоопасных действиях. Были случаи насилия, приписываемые НКТ, наиболее известным из которых был взрыв в народном театре в Барселоне, где погибли трое рабочих. Имела ли она какое-то отношение к этим инцидентам или нет, эти события быстро привели к отчуждению рабочих от НКТ7.

Кроме того, отказ НКТ от участия в системе коллективных переговоров заставил многих рабочих рассматривать профессиональную организацию анархистов как не имеющую значения. При системе, установленной в постфранкистской Испании, регулярно избирались советы предприятий, и местные отделения различных профессиональных групп – ВСТ, Рабочих комиссий и, в Стране Басков, «Баскской рабочей солидарности» – соревновались между собой за места в этих советах. В обязанности этих советов входило проведение коллективных переговоров с работодателями.

НКТ, которая не участвовала в этих выборах из-за своей традиционной оппозиции государственному вмешательству в трудовые отношения, играла незначительную роль в отношениях рабочих с их работодателями. Хотя некоторые местные группы НКТ смогли ввести для своих членов неофициальные процедуры рассмотрения жалоб, возможность их осуществления полностью зависела от согласия работодателей. Профсоюзы НКТ не имели законного права договариваться о чём-либо. Эта проблема, возможно, стала главной причиной расколов, которые произошли в НКТ после ликвидации франкистского режима.

Другие причины снижения влияния анархистов

Были и другие факторы, которые способствовали провалу анархического рабочего движения в его попытке вновь стать значимым элементом в испанской политике после

смерти Франко. Одним из них, разумеется, было опустошение, произведённое в его рядах внутри Испании во франкистский период. С конца Гражданской войны и до начала – середины 1950-х анархистам удавалось сохранять значительную подпольную организацию. Однако режим Франко преследовал анархическое подполье особенно сурово. Пятнадцать или более национальных комитетов организации были арестованы один за другим, и один из анархистов подчитал, что начиная с 1939 г. режимом было убито от 160 до 180 тысяч сэнэтистов. Как следствие, в рядах анархистов оставалось сравнительно мало людей среднего и старшего поколений, когда движение могло вновь начать действовать открыто⁸.

После 1975 г. из-за границы вернулось мало членов и лидеров периода Гражданской войны. Многие умерли в эмиграции, другие состарились, а их потомки больше были французами, мексиканцами или британцами, чем испанцами, и поэтому они не приезжали в родную страну, кроме как для визитов. Даже Федерика Монсень, которая большую часть франкистского периода возглавляла одну из главных фракций НКТ в эмиграции, продолжала жить в Тулузе, лишь ненадолго возвращаясь в Испанию.

Конечно, другие дофранкистские политические группы во многом испытывали те же трудности, что и анархисты. Однако – если оставить в стороне то, что анархистов при Франко преследовали более безжалостно, чем другие оппозиционные группы, и нанесли им наибольший урон, – либертарии пострадали и от других факторов.

В отличие от социалистов и коммунистов, руководство анархистов в последние десятилетия диктатуры Франко по большей части действовало из-за границы. Напротив, когда 1960-е и начале 70-х произошло некоторое смягчение режима, было вновь образовано руководство Социалистической партии внутри Испании, причём подпольные лидеры совершили своеобразный переворот, отстранив тех, кто находились в эмиграции, преимущественно во Франции. Коммунисты добились определённого успеха в проникновении в профсоюзные структуры франкистского режима и приобрели опору среди рабочих – для анархистов же такой образ действий был неприемлемым по самой своей природе.

Другая влиятельная, хотя и ограниченная одним регионом группа, баскские националисты, имела свои преимущества. Во время диктатуры Франко значительная часть духовенства в Стране Басков сохраняла верность Баскской националистической партии, несмотря на то, что на публике ему приходилось утверждать обратное. Это обстоятельство позволяло поддерживать баскское националистическое подполье в трудные времена и способствовало возрождению партии, когда представилась такая возможность.

Перед анархистами стояло ещё одно важное препятствие – отсутствие влиятельной международной организации. Почти все анархические рабочие движения, продолжавшие существовать в годы Гражданской войны в Испании, исчезли к середине 1970-х. Международная ассоциация трудящихся (МАТ) практически слилась с одной из эмигрантских фракций НКТ, которая даже добилась исключения шведской секции – единственной, помимо НКТ, которая имела сколько-нибудь значимое число сторонников.

Напротив, у социалистов и коммунистов имелись влиятельные друзья за рубежом. Социалистический Интернационал и промосковская фракция международного коммунизма

оказывали значительную помощь своим испанским товарищам в тёмные годы франкистского режима и в переходный период, последовавший за смертью диктатора. Энрике Марко Надаль, железнодорожный рабочий НКТ Валенсии во время Гражданской войны и генсек тринадцатого подпольного Национального комитета НКТ, арестованного в 1947 г., особенно подчёркивал важность этого отсутствия поддержки извне, ослаблявшего анархистов в подполье и постфранкистскую эпоху⁹.

Другим негативным фактором для анархистов стали их внутренние конфликты. В эмиграции НКТ была расколота на две или больше соперничавших группы в течение более чем 30 лет, предшествовавших смерти Франко. Она оставалась разделённой и когда пришло время восстанавливать организацию внутри Испании¹⁰.

После возрождения на испанской почве внутренние разногласия продолжились или возобновились. Произошло разделение на чистых анархистов, которых издавала Федерика Монсень, и тех, кто хотел приспособить НКТ к реалиям постфранкистского периода.

В результате этой борьбы произошло два раскола, в 1979–80 и 1983 гг. В обоих случаях оппозиционные элементы требовали, чтобы НКТ участвовала в выборах советов предприятий и в установленных процедурах коллективных переговоров¹¹. Хотя обе оппозиционные группы объединили свои силы в начале 1984 г. и приобрели некоторую поддержку в Валенсии, Мадриде и других городах, они оставались маргинальным элементом в испанском рабочем движении и не имели практически никакого политического значения^{11а}.

Испанское анархическое движение не достигло заметных масштабов после смерти Франсиско Франко и окончания диктатуры. Таким образом, опыт анархистов времён Гражданской войны остался достоянием истории, мало востребованным в современном испанском государстве. Хотя иностранцы, заинтригованные идеями «рабочего контроля» и тому подобными концепциями, могли извлекать уроки из того, что делали анархисты в Испании в 1936–39 гг., в самой Испании рабочие и крестьяне не проявляли особенного желания возобновить то, что происходило в эти бурные три года.